

ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РФ КАК ФОРМА НОРМАТИВНОЙ КОНКРЕТИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ПРЕДПИСАНИЙ

RESOLUTIONS OF PLENUM OF THE SUPREME COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION AS A FORM OF NORMATIVE CONCRETIZATION OF THE CRIMINAL- LEGAL REGULATIONS

O. Ruginina

Annotation

In the article discusses the interpretative practice of Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation in criminal cases. After analyzing merits and demerits of a number of last resolutions of the Court devoted to interpretation of the provisions of the Criminal code of the Russian Federation, the author came to a conclusion that these acts concretizing the content of the criminal law and thereby introduces new elements in the legal regulation should be seen as a particular form of norm-setting, realized at the level of law enforcement.

Keywords: law enforcement, judicial interpretation of criminal law, the Supreme Court of the Russian Federation, the resolution of Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, normative concretization of the criminal-legal regulations.

Ругина Ольга Анатольевна

К.ю.н., доцент,

*Российский государственный
университет правосудия, Краснодар*

Аннотация

В статье рассматривается интерпретационная практика Пленума Верховного Суда РФ по уголовным делам. Проанализировав достоинства и недостатки ряда последних постановлений Суда, посвященных толкованию положений УК РФ, автор пришел к выводу, что указанные акты, конкретизирующие содержание уголовно-правовых норм и тем самым вносящие новые элементы в правовое регулирование, следует воспринимать как особую форму нормотворчества, реализуемую на уровне правоприменения.

Ключевые слова:

Правоприменение, судебное толкование уголовного закона, Верховный Суд РФ, постановление Пленума Верховного Суда РФ, нормативная конкретизация уголовно-правовых предписаний.

Правильное применение уголовно-правовых норм обусловлено такой их интерпретацией, которая строго соответствует букве и духу уголовного закона. При этом установление смысла подавляющего большинства уголовно-правовых предписаний ввиду их полноты и ясности не вызывает особых затруднений. Однако из-за недостатков юридической техники законодателю не всегда удается явно выразить свою волю текстуально, и единственным средством её выявления становится толкование, даваемое Пленумом Верховного Суда РФ в своих постановлениях.

Следует отметить, что в подавляющем большинстве случаев Верховный Суд, уточняя содержание отдельных уголовно-правовых норм, адекватно и полно отражает тот смысл, который стремился вложить в них законодатель.

Так, регулятивную недостаточность уголовного закона компенсирует положение п. 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 32 от 7 июля 2015 года "О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных

преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем", в котором, признав видом пособничества заранее данное обещание приобрести или сбыть похищенное имущество, Пленум вместе с тем указал, что заранее обещанным будет также обещание, данное во время совершения преступления. Полагаем, что столь широкая трактовка термина "заранее" соответствует смыслу закона, ведь обещание, данное в ходе совершения преступления, способствует его осуществлению и потому является соучастием.

Правоконкретирующий характер имеет положение п. 15 постановления № 56 от 17 декабря 2015 года "О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)", детализирующее момент окончания вымогательства, совершенного в крупном размере (п. "г" ч. 2 ст. 163 УК РФ) и в целях получения имущества в особо крупном размере (п. "б" ч. 3 ст. 163 УК РФ). Употребление законодателем разных терминов при описании похожих признаков одного и того же состава преступления препятствовало их интерпретации в одном смысловом ключе, а следовательно,

не позволяло единообразно применять соответствующие уголовно-правовые нормы на практике. В доктрине по этому поводу высказаны две диаметрально противоположные точки зрения. Одни авторы полагают, что для признания вымогательства, совершенного в крупном размере, окончанным требуется реальное получение виновным имущественной выгоды в сумме, превышающей 250 тыс. рублей, в то время как для вымогательства в особо крупном размере достаточно лишь предъявления соответствующего требования, подкрепленного угрозой, вне зависимости от фактического исполнения его потерпевшим[1]. Другие ученые настаивают, что действительное завладение предметом посягательства, эквивалентным суммам, превышающим 250 тыс. рублей (для вменения крупного размера) и 1 млн. рублей (для вменения особо крупного размера) не влияет на юридическую оценку вымогательства как окончанного преступления[2]. Точку в этой дискуссии поставил Пленум Верховного Суда, обоснованно рекомендовав, несмотря на нетождественность формулировок п. "г" ч. 2 и п. "б" ч. 3 ст. 163 УК РФ, считать вымогательство совершенным в крупном либо особо крупном размере, если требование направлено на передачу чужого имущества, права на имущество, производство работ или оказание услуг, стоимость которых на момент предъявления требования превышает указанную в примечании 4 к ст. 158 УК РФ.

Нормативность постановлений Пленума максимально проявляется в формулировании разъяснений, восполняющих пробелы в законодательстве. Примером служит постановление № 58 от 22 декабря 2015 года "О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания", включающее ряд положений, отсутствующих в уголовном законе, но не противоречащих духу последнего. В частности, в п. 10 постановления указано, что если лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью входит в число основных наказаний, альтернативно перечисленных в соответствующей статье Особенной части УК РФ, то при избрании основным другого наказания суд вправе применить положение ч. 3 ст. 47 УК РФ, назначив лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в качестве дополнительного наказания, вне зависимости от того, предусмотрены ли санкцией соответствующей статьи иные виды дополнительного наказания. Кроме того, данный вид дополнительного наказания может быть избран применительно к любому предусмотренному санкцией соответствующей статьи УК РФ основному наказанию, а не только к тем, с которыми законом связывается его назначение. В п. 13 установлено, что перечень правоограничений, приведенный в ст. 48 УК РФ, является закрытым и распространительному толкованию не подлежит, поэтому суд не может лишать осужденного ученых степеней и званий, а также званий, носящих квалификационный характер. Востребованы практикой положения п. 25 и 27 этого постановления, согласно которым в случае,

если к осужденному в силу требований закона не может быть применен ни один из предусмотренных соответствующей статьей Особенной части УК РФ вид наказания, ему назначается более мягкое наказание, чем предусмотрено санкцией соответствующей статьи, без ссылки на ст. 64 УК РФ. Значимой для правоприменения является и рекомендация высшей судебной инстанции учитывать среди критериев, помогающих спрогнозировать влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи, помимо традиционных, новый показатель – фактические семейные отношения (абз. 3 п. 27 постановления). Представляется, что отнесение лиц, состоящих в так называемом "гражданском" браке, к членам семьи приведет к более полной реализации принципов справедливости и гуманизма уголовного законодательства. В развитие положений ст. 18 УК РФ в п. 44 и 46 данного постановления закреплено, что совершение умышленного преступления небольшой тяжести лицом, имеющим судимость за преступление средней тяжести, тяжкое или особо тяжкое преступление, образует рецидив преступлений, а опасный рецидив преступлений имеет место при совершении особо тяжкого преступления лицом, имеющим судимость за тяжкое преступление, за которое он отбывал лишение свободы. Комментируя правила назначения наказания при рецидиве, Верховный Суд в п. 48 постановления справедливо указал, что если одна третья часть составляет менее минимального размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за конкретное преступление, то наказание при рецидиве не может быть ниже минимума санкции соответствующей статьи (например, за преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 161 УК РФ, с учетом положений ч. 2 ст. 68 УК РФ не может быть назначено менее 6 лет лишения свободы – низшего предела этого вида наказания за данное преступление, хотя одна треть от максимального наказания за него составляет 4 года). Тем самым была исправлена прежняя рекомендация, предлагавшая в подобной ситуации назначать наказание не ниже минимального размера соответствующего вида наказания, предусмотренного Общей (выделено нами – О.Р.) частью УК РФ (п. 16 утратившего силу постановления Пленума Верховного Суда РФ № 2 от 11 января 2007 года (в ред. от 03.12.2013) "О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания").

Иллюстрацией того, что высшая судебная инстанция осуществляет не только толкование, но и нормативную подзаконную конкретизацию уголовного закона, служат также отдельные рекомендации, приведенные в постановлении № 21 от 24 мая 2016 года "О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 314.1 Уголовного кодекса Российской Федерации". Например, в п. 4 названного постановления отмечается, что исходя из смысла ч. 1 ст. 314.1 УК РФ непробытием поднадзорного лица к избранному им месту жительства или пребывания следует считать как неисполнение обязан-

ности прибыть, так и последующую намеренную неявку для постановки на учет в орган внутренних дел в течение трех рабочих дней со дня прибытия. Подобная трактовка расширяет содержание соответствующего уголовно-правового предписания по сравнению с его текстуальным выражением, поскольку обязанности прибыть и встать на учет нетождественны друг другу. Способствующим унифицированному применению ч. 2 ст. 314.1 УК РФ на практике и препятствующим случаям необоснованного привлечения лиц к уголовной ответственности является положение п. 8 указанного постановления, разъяснившее, что объективная сторона данного преступления состоит не в произвольном наборе административных правонарушений, а представляет собой деяние, симультанно характеризующееся признаками неоднократности (совершение поднадзорным, ранее дважды в течение одного года привлеченным к административной ответственности по ч. 1 или 3 ст. 19.24 КоАП РФ, очередного несоблюдения административного ограничения(-ий), при условии истечения сроков, во время которых он считался подвергнутым административному наказанию за предшествующие правонарушения) и сопряженности (новое деяние должно быть непосредственно соединено с совершением административных правонарушений, предусмотренных гл. 6, 19 или 20 КоАП РФ)[3]. При этом сопряженность несоблюдения установленного судом административного ограничения(-ий) с перечисленными в ч. 2 ст. 314.1 УК РФ правонарушениями (например, мелкое хулиганство, появление в общественных местах в состоянии опьянения) наличествует в случае одновременного осуществления этих действий, в частности, указанные правонарушения совершаются во время нахождения поднадзорного в запрещенных для пребывания местах, посещения мест проведения массовых и иных мероприятий при наличии к тому запрета, пребывания вне жилого или иного помещения в запрещенное время суток.

Несомненно полезным для правоприменительной деятельности представляется дополнение постановления № 29 от 27 декабря 2002 года "О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое" пунктом 23.1, уточнившим, что, по смыслу закона, вменение п. "г" ч. 2 ст. 158 УК РФ исключается при совершении кражи из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при трупe (см. ред. от 24.05.2016).

В контексте исследуемого вопроса позитивно следует оценить включение в п. 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 11 от 28 июня 2011 года (в ред. от 03.11.2016) "О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности" нового положения, согласно которому репост информации экстремистского толка в социальной сети не может автоматически признаваться действием, направленным на возбуждение ненависти или вражды, а также унижение человеческого достоинства. При рассмотрении вопроса о возможности привлечения таких лиц к уголовной ответ-

ственности высшая судебная инстанция рекомендует проявлять взвешенный подход и учитывать все обстоятельства содеянного, принимая во внимание, в частности контекст, форму и содержание размещенной информации, а также наличие и смысл комментариев или иного выражения отношения к ней.

Законодателем не решена проблема о допустимости освобождения лица от уголовной ответственности по основаниям, предусмотренным ст. 75, 76 или 76.2 УК РФ, при невозможности применения к нему правил ст. 76.1 УК РФ. Устраняя неопределенность в этом вопросе, Пленум Верховного Суда РФ в п. 15.1 постановления № 19 от 27 июня 2013 года (в ред. от 29.11.2016) "О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности" указал, что при выполнении не всех или не в полном объеме действий, предусмотренных ст. 76.1 УК РФ, лицом, совершившим преступление небольшой или средней тяжести в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, его ходатайство о прекращении уголовного преследования по основаниям, предусмотренным ст. 75, 76 или 76.2 УК РФ, может быть удовлетворено судом в случае исполнения содержащихся в указанных нормах требований. Примечательно, что процитированная рекомендация противоположна прежнему разъяснению, согласно которому невыполнение обвиняемым в совершении преступления небольшой или средней тяжести в сфере экономической деятельности действий, указанных в ст. 76.1 УК РФ, делало невозможным его освобождение не только по этой норме, но и по правилам ст. 75 и 76 УК РФ. Полагаем, что трансформацию позиции высшей судебной инстанции по этому поводу нужно приветствовать, поскольку ст. 76.1 УК РФ, представляя собой дополнительную гарантию для предпринимателей, не исключает применения к ним общих оснований для освобождения от уголовного преследования.

Вместе с тем, нужно признать, что не все разъяснения Пленума Верховного Суда РФ отличаются безупречностью, поскольку либо прямо противоречат требованиям уголовного закона, либо содержат неточные формулировки, порождающие новые вопросы.

Например, ошибочным представляется указание высшей судебной инстанции в п. 14.1 постановления № 29 от 27 декабря 2002 года "О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое" квалифицировать как соисполнительство по п. "в" ч. 4 ст. 162 УК РФ действия тех членов группы лиц по предварительному сговору, которые лично не причинили тяжкий вред здоровью либо смерть потерпевшему при совершении разбойного нападения (изменение от 03.03.2015 г.). Столь широкое толкование исполнительства не соответствует уголовно-правовым нормам института соучастия, в силу чего более корректной выглядит юридическая оценка содеянного при наличии необходимых оснований как пособничества в причинении тяжкого вреда здоровью либо смерти по-

терпевшему, а при отсутствии таковых – без вменения п. "в" ч. 4 ст. 162 УК РФ[4].

Изъяны содержательного характера имеются в п. 5 уже упоминавшегося постановления № 56 от 17 декабря 2015 года "О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)", так как при определении круга лиц, относящихся к близким потерпевшего, Пленум Верховного Суда упустил из виду то, что о ценности жизни, здоровья и благополучия таких лиц для потерпевшего должно быть заведомо известно виновному[5]. Заслуживает критики рекомендация высшей судебной инстанции по поводу квалификации вымогательства, совершенного с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего, что повлекло его смерть по неосторожности. В п. 9 постановления указывается на необходимость юридической оценки таких действий по совокупности преступлений – по п. "в" ч. 3 ст. 163 и ч. 4 ст. 111 УК РФ. Солидаризуясь с Н.В. Огородниковой, полагаем, что при такой квалификации нарушается принцип "non bis in idem", поскольку двойному вменению подвергается умышленное причинение тяжкого вреда здоровью: вначале оно учитывается в рамках ст. 163 УК РФ (п. "в" ч. 3 ст. 163 можно разделить на две составные части – ч. 1 ст. 163 и ч. 1 ст. 111), затем в рамках ст. 111 УК РФ (ч. 4 ст. 111 также представляет собой норму-целое и состоит из двух самостоятельных преступлений – ч. 1 ст. 111 и ч. 1 ст. 109)[6]. Поэтому более логичным и соответствующим правилам квалификации при конкуренции норм видится вменение по совокупности п. "в" ч. 3 ст. 163 и ст. 109 УК РФ. Спорным является и разъяснение, сформулированное в п. 12 анализируемого постановления, согласно которому под позорящими следует понимать, в частности, сведения о совершении потерпевшим или его близкими правонарушений вне зависимости от того, соответствуют ли эти данные действительности. По нашему мнению, вряд ли сведения о реально совершенном преступлении относятся к позорящим, а их распространение способно причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего.

Сомнительным выглядит положение п. 42 вышеназванного постановления Пленума Верховного Суда РФ № 58 от 22 декабря 2015 года "О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания", посвященное назначению наказания при одновременном наличии таких оснований для обязательного его смягчения, как вердикт присяжных заседателей о снисхождении (ч. 1 ст. 65 УК РФ) и особо выделенные законом смягчающие обстоятельства при отсутствииотягчающих обстоятельств (ч. 1 ст. 62 УК РФ). Разрешая вопрос о конкуренции, имеющейся по мнению высшей судебной инстанции в подобном случае, в пользу первого из указанных оснований, Верховный Суд, вероятно, имел в виду, что правило смягчения наказания, предусмотренное ч. 1 ст. 65 УК РФ, является более льготным по сравнению с закрепленным в ч. 1 ст. 62 УК РФ, поскольку оно применяется независимо от наличия в содеянном отягчающих

обстоятельств. Однако с учетом того, что ч. 1 ст. 62 УК РФ в действующей редакции также предусматривает сокращение назначаемого наказания до двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление, а при наличии отягчающих обстоятельств использовать данное правило смягчения наказания становится невозможным, в силу чего конкуренция между анализируемыми нормами в принципе исключается, вряд ли следует говорить о приоритетном применении ч. 1 ст. 65 УК РФ. Напротив, правила ч. 1 ст. 62 и ч. 1 ст. 65 УК РФ, содержащие самостоятельные (материальное и процессуальное) основания смягчения наказания, должны применяться последовательно, тем более что закон не запрещает их сочетания. Присоединяясь к мнению Н.В. Артеменко и Н.Г. Шимбаревой, с сожалением приходится констатировать, что открытым в этом постановлении остался вопрос о конкуренции правил смягчения наказания, предусмотренных ч. 2 ст. 62 и ч. 1 ст. 65 УК РФ, при решении которого предпочтение как более мягкому следует отдать процессуальному основанию в виде заключения виновным досудебного соглашения о сотрудничестве[7].

Сложно признать обоснованной точку зрения Верховного Суда на момент окончания склонения, вербовки или иного вовлечения лица в совершение преступлений террористической направленности, сформулированную в п. 14 постановления № 1 от 9 февраля 2012 года (в ред. от 03.11.2016) "О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности". Поскольку склонение к совершению преступления представляет собой специальный вид подстрекательства, а подстрекателем согласно ч. 4 ст. 33 УК РФ признается лицо, склонившее (а не склонявшее) другое лицо к совершению преступления любым способом, то действия виновного, оказавшиеся безуспешными и не повлекшие желаемого результата, не могут считаться оконченными и должны квалифицироваться как покушение.

Разрешив многие возникавшие у судов вопросы по делам экономической направленности, постановление Пленума Верховного Суда РФ № 48 от 15 ноября 2016 года "О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности" содержит отдельные разъяснения, способные, напротив, усложнить правоприменительную практику. Так, в п. 3 постановления при перечислении круга лиц, по заявлению которых возбуждаются уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ст. 159–159.3, 159.5, 159.6, 160 и 165 УК РФ, в случае, если потерпевшим выступает коммерческая организация, Верховный Суд, формально наделив правом обращения с таким заявлением любого акционера, фактически блокировал эту возможность, требуя получения согласия на это со стороны органов управления юридического

лица. В п. 7 постановления предпринята неудачная, по нашему мнению, попытка охарактеризовать субъекта преступлений в сфере предпринимательской деятельности, потому что к числу таковых могут быть отнесены также лица, не зарегистрированные в качестве индивидуального предпринимателя либо члена органа управления коммерческой организации, в случае, если осуществляемая ими деятельность фактически является предпринимательской. Такая позиция вызывает еще большее недоумение в связи с тем, что "предпринимательский" иммунитет в виде запрета на избрание в качестве меры пресечения заключения под стражу распространяется не только на индивидуальных предпринимателей или членов органа управления коммерческой организации, но и на их соучастников, не обладающих подобным статусом (п. 8). Кроме того, положение п. 9 постановления нуждается в уточнении в том смысле, что для квалификации по ч. 5 – 7 ст. 159 УК РФ умысел на неисполнение договорных обязательств должен быть не просто прямым, но и возникнуть заранее – до заключения соответствующего договора, когда виновный уже на момент завладения имуществом не имеет намерения выполнять встречное обязательство[8]. Наконец, следует согласиться с Н.С. Шатихиной, обращающей внимание на нелогичность п. 11 данного постановления, поскольку впервые совершившим преступление считается лицо, не имеющее неснятой или непогашенной судимости за совершение любого преступления, а не только предусмотренного той же статьей, от ответственности по которой оно освобождается[9].

Неоднозначное к себе отношение вызывает изменение алгоритма квалификации случаев причинения сопутствующего ущерба в виде уничтожения или повреждения различного имущества потерпевшего (в частности, дверей, замков, мебели, бытовой техники и иных вещей) при совершении кражи, грабежа либо разбоя с незаконным проникновением в жилище, помещение или иное хранилище. Постановлением Пленума Верховного Суда РФ №

17 от 16 мая 2017 года "О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам" в новой редакции изложен п. 20 постановления № 29 от 27 декабря 2002 года "О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое", где указано следующее: "Если лицо, совершая кражу, грабеж или разбой с незаконным проникновением в жилище, помещение либо иное хранилище, умышленно уничтожило или повредило двери, замки и т.п., а равно иное имущество потерпевшего, не являвшееся предметом хищения (например, мебель, бытовую технику и другие вещи), содеянное в случае причинения значительного ущерба следует дополнительно квалифицировать по статье 167 УК РФ". Представляется, что приведенной ситуации самим Верховным Судом ранее предлагалась более точная формула квалификации, согласно которой действия лица по взлому дверей, замков или решеток, с одной стороны, и уничтожение (повреждение) мебели либо бытовой техники, с другой стороны, нетождественны по своему характеру и должны оцениваться по-разному. Если первые, являясь способом совершения хищения при отягчающих обстоятельствах, не требуют дополнительного вменения ст. 167 УК РФ, то содеянное во втором случае не охватывается составами преступлений, предусмотренных ст. 158, 161 или 162 УК РФ, и нуждается в квалификации по совокупности.

Подводя итоги, можно констатировать, что при современном состоянии законотворчества устранение изъянов уголовного закона невозможно без разъяснения соответствующих положений Верховным Судом РФ, в результате чего происходит восполнение пробелов и преодоление противоречий уголовно-правового регулирования. В связи со значимостью нормативной конкретизации, осуществляемой в постановлениях Пленума, следует рекомендовать высшей судебной инстанции продемонстрировать более взвешенный подход к процессу толкования, не допуская при этом досадных ошибок, способных негативно отразиться на качестве правоприменения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Полный курс уголовного права. В 5 т. / под ред. А.И. Коробеева. СПб., 2008. Т. III. Преступления в сфере экономики. С. 285–287.
2. Огородникова Н.В. Преступления против собственности // Российское уголовное право. Особенная часть: учебник / под ред. В.П. Коняхина и М.Л. Прохоровой. М., 2015. Гл. 9. С. 286.
3. Калинина О.М. Уклонение от административного надзора: вопросы правоприменения // Вестник Омской юридической академии. 2016. № 4 (33). С. 52–53.
4. Огородникова Н.В. Преступления против собственности. С. 277–278.
5. Безверхов А.Г. О некоторых вопросах квалификации вымогательства // Уголовное право. 2016. № 2. С. 9.
6. Огородникова Н.В. Соблюдение принципа справедливости в уголовном законодательстве и практике его применения как одно из условий защиты прав личности // Научные труды ученых-юристов Северо-Кавказского региона. Краснодар, 2009. Вып. 18. Часть вторая. С. 42.
7. Артеменко Н.В., Шимбарова Н.Г. Верховный Суд о правилах смягчения уголовного наказания // Уголовное право. 2016. № 5. С. 9.
8. Яни П.С. Мошенничество: момент возникновения умысла // Законность. 2017. № 3. С. 38.
9. Шатихина Н.С. Новое постановление по предпринимательским делам [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2016/12/6/novoe_postanovlenie_po_predprinimatelskim_delam, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения 15.06.2017).